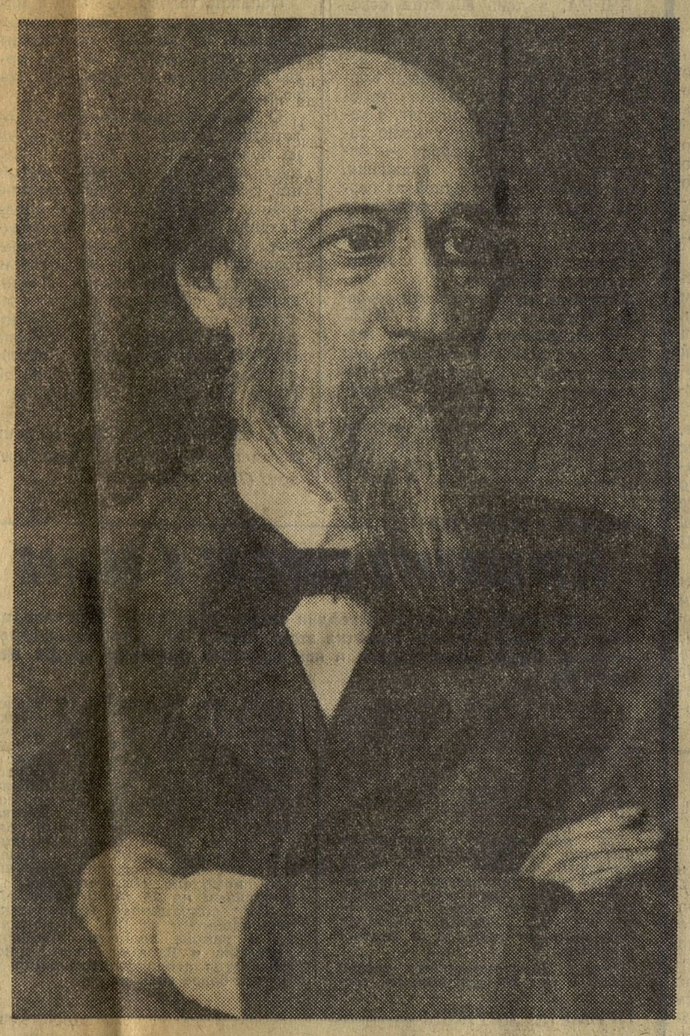
„Лен. правда", 1971, 10/XII

К 150-летию со дня рождения Николая Алексеевича Некрасова

„СЛУЖА ВЕЛИКИМ ЦЕЛЯМ ВЕКА..."



Н. А. НЕКРАСОВ

С портрета работы И. КРАМСКОГО.

МУЗА ЛЮБВИ И ГНЕВА

ПОЭЗИЯ Николая Алексеевича Некрасова... Это целый мир неповторимых художественных образов, высоких поэтических идеалов и напряженных нравственных исканий... Это отраженная в творческом сознании великого поэта трудовая Россия, пробудившаяся от векового сна и вступившая в новую эпоху— подготовки буржуазно-демократической революции.

В дореволюционной истории литературы Некрасова принято было изображать в виде «кающегося дворянина», воспевавшего народные страдания, но так и не определившего своего места в борьбе двух общественных станов. Продиктованным обостренной гражданской совестью поэта стихам: «Я к цели шел колеблющимся шагом, я для нее не жертвовал собой» придавалось значение основной и единственной авторской самооценки. Забывались при этом и прославляющие революционный героизм строки из «Поэта и Гражданина», и такие признания поэта, как, например: «Я ни в чем середины не знал... Я на все безрассудно дерзал» и т. д...

Советское литературоведение очистило облик Некрасова от чуждых ему наслоений. Опираясь на многочисленные факты, мы вправе теперь утверждать, что с Чернышевским, Добролюбовым и другими «революционерами 61-го года» у поэта были не только дружеские, но и конспиративно - политические связи и что в борьбе с цензурой, реакционной журналистикой и властями предержащими ему постоянно приходилось рисковать и «жертвовать собой».

Творчеством Некрасова открывается новый этап в развитии русской поэзии. Незабываемая заслуга поэта-гражданина состоит в том, что он первый дал нам правдивое изображение жизни русского крестьянства, самого многочисленного в то время и самого обездоленного класса. В галерее созданных поэтом образов мы найдем и беспримерного труженика Прокла и «идейного» крестьянина Якима Нагого, и аввакумовски неистового старовера Кропильникова, и кающегося мироеда Власа, и холопа примерного Якова, и десятки других мужских и женских крестьянских характеров. Вглядываясь в разноликую крестьянскую массу не только как поэт, но и как страстный исследователь жизни, Некрасов увидел, что религиозность, темнота, покорность и другие признаки отсталости, на которых держался самодержавно-крепостнический строй, не имеют глубоких корней в русском народе, что он

Вынесет все—и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.

Рабочее движение в России той поры политически еще не самоопределилось, и тем не менее художническим инстинктом своим Некрасов предощущал все возрастающую роль рабочего класса: недаром же в одном из вариантов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» с крамольной речью к крестьянской толпе выступал прошедший фабричную выучку «умный» рабочий. «Железная дорога», «Плач детей» и другие некрасовские произведения положили начало рабочей теме в русской литературе.

Воспевая труд как основу жизни и общественного благосостояния, Некрасов с глубоким пониманием и любовью живописал людей труда. Все, что уродовало жизнь и угнетало простых тружеников, что унижало их человеческое достоинство, порождало в душе поэта гнев и ненависть. И самую щедрую дань ее Некрасов отдал «дворянскому нашему роду». Со страниц его произведений представители паразитирующего и деградирующего помещичьего класса глядят на нас, как живые: это властолюбцы, самодуры, цепляющиеся за свои привилегии плантаторы, желающие выглядеть порой филантропами и либералами. «Еще Некрасов и Салтыков, — писал В. И. Ленин, — учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов...».

Нередко предметом некрасовской сатиры становились непосредственные блюстители существующего правопорядка: чиновники самых различных рангов, жандармы - каратели, высшие сановники и даже коронованные особы. С прозорливостью истинного художника поэт обнаружил нарождающихся «рыцарей наживы» и заклеймил в своих стихах фетишизированную ими систему капиталистической эксплуатации (поэма «Современники» и др.). Ненависть поэта питалась его высокими общественными идеалами, она была, по определению А. И. Герцена, «социалистической ненавистью».

Некрасов был продолжателем традиций Пушкина и Гоголя, Лермонтова и Кольцова. Поэт-гражданин видел свое призвание в том, чтобы вооружить народную массу пониманием ее собственных интересов, политическим сознанием, без чего, как резонно полагал он, мечты о грядущем социальном перевороте теряли реальную почву.

Апологеты «чистого искусства», оберегавшие зрение, обоняние и сознание читателей от соприкосновения с грубой повседневностью и «политикой», обвиняли некрасовскую поэзию в приземленности, декларативности, антихудожественности. Но что же, как не высокая художественность, заставляла миллионы читателей рыдать над судьбой Дарьи из поэмы «Мороз Красный Нос» и испытывать подлинно эстетическую радость от «встречи» с «Тройкой», «Несжатой полосой», «Коробейниками», «Тишиной», «Внимая ужасам войны» и другими написанными кровью сердца некрасовскими шедеврами?

Из всех русских поэтов второй половины XIX века Некрасов—поэт наиболее национальный. «Это русский человек, весь как на ладони»,—писал о Некрасове Глеб Успенский. Для того, чтобы изобразить русских людей различных сословий, профессий и поколений правдиво, с присущими им психическим складом, речью, склонностями и привычками, надо было быть великим художником-реалистом. Одним из ориентиров на путях поэта-гражданина к подлинной народности и национальной достоверности изображаемого было устное народное творчество, аккумулировавшее в себе лучшие национально-поэтические традиции.

Чуткое ко всему, чем живет его родной народ, сердце поэта было преисполнено глубокого уважения к судьбам и национальному достоинству других народов, и не случайно ведь некрасовский журнал «Современник» служил притягательным центром не только для русской, но и для армянской, белорусской, грузинской, польской и украинской радикальной интеллигенции.

Автор непревзойденных эпических полотен дал нам образцы высокой интимной лирики, поражающие своей искренностью и целомудренностью. Стихи Некрасова о русской женщине, женщине-матери, детях, проникнутые покоряющей душу гуманностью, явились новым словом в русской литературе.

Непринужденность пафоса и глубина самовыражения, которых достигает Некрасов в лирике политической («Родина», «Страшный год», «Поэту» и др.) равно, как и в «покаянной лирике» («Рыцарь на час», «Ликует враг», «Зачем меня на части рвете?»), ставят его в один ряд с крупнейшими именами мировой поэзии.

Колоссальную мобилизующую энергию несли в себе стихи Некрасова, воспевающие подвиги «народных заступников» и его вдохновенные призывы к революционному действию.

Душно! Без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

Боец по натуре, Некрасов даже в дни своего смертельного недуга призывал музу зажечь в его груди огонь «любви, негодованья, мщенья». И поэтический огонь предсмертных «Последних песен» Некрасова, по свидетельству современников, с неведомой силой воспламенял молодые сердца для героической борьбы за справедливое мироустройство.

На пролетарском этапе освободительной борьбы в России, вопреки предсказаниям некоторых недальновидных критиков, воздействие некрасовской поэзии не только не пошло на убыль, но и распространилось на самые широкие демократические слои населения. Накануне и в период революции 1905—1906 гг. политические стихи Некрасова произносились с трибун на рабочих митингах; с воодушевлением читали их вслух и на деревенских сходках.

В демократической литературной среде конца XIX — начала XX века степенью приближения к эстетическим принципам Некрасова измерялась нередко, и не без оснований, прогрессивность того или иного писателя, его причастность к реалистическому искусству. Возникший в конце века русский модернизм, объявив непримиримую борьбу гражданской поэзии, отрекался на первых порах также и от некрасовских традиций. Симптоматично все же, что в начале XX века, желая установить контакт с массовым читателем, лучшая часть русских модернистов (А. Белый, В. Брюсов, М. Волошин и др.) возвращается «назад к Некрасову».

В то время как отрицавшая революционные возможности русского крестьянства меньшевистская пресса игнорировала некрасовское поэтическое наследие, большевистская печать брала его на свое вооружение. В списках рекомендательной литературы, которую газета «Правда» предлагала рабочему читателю, произведения Некрасова занимали одно из первых мест. В 1912—1913 гг. в центральном органе большевистской партии статьи о поэте-гражданине появлялись одна за другой, и в этом, безусловно, сказалось ленинское отношение к идейно-художественному наследию русской революционной демократии.

В советской культуре нет, пожалуй, отрасли, куда бы не проникал и не оказывал могучего воздействия поэтический гений Некрасова. Через творчество Д. Бедного, В. Маяковского, А. Блока, С. Есенина, М. Исаковского, А. Твардовского, А. Прокофьева, В. Федорова и многих других умерших и здравствующих ныне советских поэтов и прозаиков проходят благотворные «силовые линии» вечно живого некрасовского художественного слова.

Ф. ПРИЙМА

Над книгой Некрасова

Я знал, как в поле сталь гудела,
Как стыла красная трава.
И в дали дымные глядела
Россия, женщина, вдова.

И над провалами былого,
Вселяя в душу благодать,
Меня некрасовское слово
На ноги ставило опять.

И в дни лихие, в дни благие
В родной и чуждой стороне
России очи голубые
Всегда в глаза глядели мне.

За все платил я полной мерой,
Своей судьбой держал ответ.
И проникался древней верой
В ее судьбу, в ее рассвет.

В простор ее равнины ровной,
Где пыль Победы улеглась,
Где стала в самом деле кровной
Родной земли и песни связь.

М. ДУДИН

СУДЬБА ПОЭТА

ИСТОРИЯ щедра на знаменательные совпадения. Только что мы отмечали память Достоевского. Сейчас пришел день Некрасова. Конечно, они были людьми очень разными. Их разделяло многое — и основы мировоззрения, и общественно-литературные позиции, и представления о будущем. И все же как не вспомнить сегодня, что никто другой, а именно великий гуманист Достоевский в морозное декабрьское утро 1877 года сказал над могилой поэта о «никогда не заживавшей ране» некрасовского сердца, которая была «началом и источником» его боли и гнева, его любви и ненависти, всей его страстной и страдальческой поэзии, согретой «неудержимой любовью» к народу. Тогда же Достоевский внятно сказал и о величии Некрасова как художника, о том, что он пришел в русскую поэзию с «новым словом».

Резкая новизна некрасовского слова была не только в том, о чём оно говорило, но и в том, как оно звучало. Все, что написал этот громадный поэт, было проникнуто лирическим чувством величайшего накала, подкупало обезоруживающей искренностью, неслыханным по откровенности исповедальным тоном. Как никто другой из русских поэтов, Некрасов был ранен горем и страданием народа, растревожен народной правдой и воодушевлен верой в ее торжество. И ни у кого другого не найдем мы столь глубокого личного переживания связи, общности и единства с народом, с родиной, столь острого ощущения народного дела как личного подвига.

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживет...

Величие истинной, по-настоящему большой, насущно нужной людям поэзии в том, что она всегда, даже, казалось бы, по мелким и случайным поводам, умеет выразить на своем языке нечто существенное из того главного и решающего, что в данный исторический момент составляет содержание жизни.

Такова поэзия Некрасова. Есть у него одно коротенькое стихотворение—не из самых знаменитых. Как известно, поэт страдал от мучительной болезни, которая и свела его в могилу. Врачи, между прочим, запретили ему есть ржаной хлеб. По этому поводу и написано стихотворение. Другой поэт на месте Некрасова предался бы горестным размышлениям о своей несчастной судьбе—и попутно— о тщете всего земного, и только. Но Некрасов был демократом и революционером по сердцу, по духу, по ежеминутной памяти о своем долге и призвании. Его поэтическая мысль всегда, в любом случае, была нацелена и развивалась, так сказать, в направлении главного удара всей его литературной работы. И вот какой широчайший социально-исторический поворот придал он, казалось бы, такой частной, личной, можно сказать, интимной теме:

Роскошны вы, хлеба заповедные
Родимых нив —
Цветут, растут колосья наливные,
А я чуть жив!
Ах, странно так я создан небесами,
Таков мой рок,
Что хлеб полей, возделанных рабами,
Нейдет мне в прок!

Вот это и есть торжество ясной поэтической мысли, воплощенной в великолепном по идейному наполнению и художественной выразительности образе: «Хлеб полей, возделанных рабами...». Некрасов иначе и не мыслил в поэзии, как только в категориях общего — народного, национального, исторического. Поэтому он и заразил своей душевной тревогой и своей беспощадной правдой всю передовую русскую поэзию.

В истории нашей поэзии Некрасов занимает место совершенно особое, исключительное, узловое. Это как бы точка скрещения разных ее потоков, из которой рождалась новая поэтическая энергия. С одной стороны, прочна преемственная связь творчества Некрасова с традициями Пушкина, Лермонтова, Кольцова. С другой, велико, более того — огромно определяющее воздействие поэзии Некрасова на больших поэтов следующих поколений вплоть до Блока, Есенина, Маяковского, Твардовского. Та «капля крови, общая с народом», о которой Некрасов сказал с такой пронзительной силой, наполнила и ускорила все кровообращение нашей поэзии.

Случалось, что темы Некрасова становились достоянием вялых эпигонов, писавших, как выразился Блок, некрасовским стихом без некрасовской мощи. Но новизна и смелость стиля Некрасова, в котором пушкинская четкость и строгость были помножены на колоссальной силы эмоциональность и драматическую напряженность стихотворной речи, ее «рыдающие звуки», которые внесли в русскую поэзию новую музыкальность, неповторимое своеобразие некрасовского ритма и синтаксиса — все это оказало неотразимое впечатление на многих поэтов, в том числе даже на тех, кто находился на далеких от Некрасова общественно-литературных позициях (Тютчев, Полонский, Майков, много позже — Андрей Белый).

Никто из настоящих поэтов не мог не откликнуться на могучий голос Некрасова, никто не мог пройти мимо его величайших художественных открытий, равнодушно отнестись к его блистательному, выверенному мастерству. Для того, чтобы сразу, со слуха, почувствовать, как отозвался голос Некрасова в новейшей нашей поэзии, достаточно вспомнить хотя бы такие поистине литые стихи его, стихи высочайшей пробы:

Чуть из ребятишек,
Глядь — и нет детей:
Царь возьмет мальчишек,
Барин — дочерей!

Полной жизнью живет Некрасов и в советской поэзии. Да и как могло бы быть иначе: ведь именно Некрасову, более чем кому-либо, обязаны мы представлением о поэзии как о разящей силе, как об оружии, отточенном для борьбы за правое дело.

Нет смысла кропотливо выискивать черты и черточки некрасовской манеры в стихах и поэмах советских поэтов: суть дела не во внешнем «влиянии», но в общности идейно-художественных принципов, в остром ощущении народности и гражданственности искусства, в ясном понимании роли и назначении художника. Поэтому нет, конечно, ни одного сколько-нибудь значительного поэта советской эпохи, который не учитывал бы в своей работе, каждый по-своему, пример и опыт Некрасова.

Прекрасна судьба одного из величайших и благороднейших поэтов России. Слово его, окруженное всенародной любовью, и сегодня состоит на вооружении, безотказно служит источником той неубывающей духовной энергии, которая формирует большую поэзию и двигает ее вперед.

Вл. ОРЛОВ

НА «ЛИТЕРАТУРНОМ ПОДВОРЬЕ»

ТАК часто называли дом Краевского на углу Литейного и Бассейной (ныне ул. Некрасова), где 20 лет жил Некрасов, где была редакция «Современника», а потом и «Отечественных записок». В 1946 году здесь был создан мемориальный музей, открывший вчера после ремонта свою новую экспозицию и отмечающий свое 25-летие.

25 лет существования музея — это 25 лет большой научно-исследовательской и просветительской работы, постоянных поисков новых документов и материалов.

Об истории некоторых экспонатов, приобретенных музеем за время своего существования, мы и расскажем сегодня.

«Самый родной для меня дом в Ленинграде»

„НЕКРАСОВСКИЙ музей — самый родной дом для меня в Ленинграде", — писал в одном из своих писем музею большой его друг и доброжелатель Корней Иванович Чуковский.

Некрасоведение Чуковский считал одним из главных дел своей жизни. Первый и бессменный редактор почти всех собраний сочинений поэта, Чуковский по черновикам и рукописям восстановил многие искаженные цензурой произведения Некрасова. Ныне в новой экспозиции музея представлены вещи и книги Корнея Ивановича, переданные музею дочерью и внучкой писателя. И среди них — уникальнейший экспонат — суворинское издание Некрасова 1902 года, испещренное пометками Чуковского, восстанавливающими текст поэмы в первоначальном ее замысле. Читаем в издании Суворина:

А чуть работа кончена
Гляди стоят три дольщика...

Далее следуют три точки, а на полях четким почерком Чуковского читаем теперь ставшее хрестоматийным: «Бог, царь и господин». Строфа нашла свое каноническое завершение.

И опять читаем на полях знакомые нам строки:

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

Они тоже стали известны читателю лишь после того, как вышел в свет в 1920 году однотомник Некрасова под редакцией Чуковского. В нем были восстановлены все вычеркнутые цензурой строфы поэта — около трех тысяч некрасовских строк.

150-я пятница

СПЕЦИАЛЬНАЯ экспозиция посвящена и Владиславу Евгеньевичу Евгеньеву-Максимову — основателю и большому другу музея, посвятившему делу изучения Некрасова всю свою жизнь. К нему несли свои работы и маститые ученые, и только что вступающие в науку литературоведы. Квартира ученого была своеобразным центром по изучению Некрасова. Сюда можно было принести свою работу, выслушать мнение товарищей, поспорить. И после смерти Евгеньева-Максимова научная общественность решила не прерывать этой прекрасной традиции.

Таким местом стал музей Некрасова. В залах, где некогда собирались сотрудники «Современника», где обсуждались животрепещущие проблемы литературной жизни, куда в разное время приходили Тургенев, Добролюбов, Чернышевский, Толстой, Щедрин, Решетников, Слепцов и многие-многие другие, решено было проводить «некрасовские пятницы». «Пятницы», начавшиеся в 1955 году, теперь стали традицией. За эти годы здесь с научными докладами выступали маститые ученые и юные дипломанты. Здесь читал свои стихи Твардовский, здесь бывал Прокофьев, сюда приходят многие и многие ленинградские поэты и чтецы.

Сегодня, в день 150-летия поэта, здесь будет отмечена еще одна дата: состоится 150-я «некрасовская пятница».

«Ленинград. Н. А. Некрасову»

ОДНАЖДЫ в музее раздался телефонный звонок. Говорили из Ленинградского аэропорта. Сюда поступила посылка с лаконичным адресом: «Ленинград. Николаю Алексеевичу Некрасову». Посылку доставили в музей. Когда ее вскрыли, там оказался портрет Адама Мицкевича.

Этой занятной истории предшествовали вот какие события.

В спальне поэта находится копия картины Крамского «Некрасов в период «Последних песен» (оригинал принадлежит Третьяковской галерее). На картине воспроизведена обстановка спальни. Над диваном, на котором полулежит тяжелобольной поэт, художник изобразил два портрета. Один из них был определен сразу — он изображал Добролюбова. Над расшифровкой второго научным сотрудникам музея пришлось немало потрудиться. Наконец, было установлено, что на втором портрете изображен великий польский поэт Адам Мицкевич. И поскольку картина Крамского служила образцом при мемориализации спальни, решено было найти и портрет Мицкевича.

Но легко сказать — найти. Однажды в музее побывала группа студентов из Польши. Им тоже показали картину Крамского, показали и то место, где должен был бы висеть портрет Мицкевича. Студенты уехали. А через некоторое время раздался звонок из аэропорта.

Увы, в посылке был портрет Мицкевича, но совсем не тот, что висел в спальне Некрасова и изображен на картине Крамского.

Тогда решили обратиться за помощью в музей Мицкевича. Одна из сотрудниц побывала в музее польского поэта в Варшаве и там ей передали в дар музею русского поэта гравюру Риффо — ту самую, что висела у Некрасова. Директор музея Мицкевича Адам Манерсбергер сопроводил этот дар письмом, в котором было написано следующее: «Поверьте, что принося в дар музею Некрасова портрет Мицкевича, мы исполнили наше горячее желание, которое осмелились выразить только в ответ на Вашу собственную инициативу, для нас особенно приятную, так как она напоминает самым искренним образом о наших общих старинных традициях дружбы, которым мы верны и которые теперь будет провозглашать — к нашей общей радости — экспозиция музея Некрасова».

Ныне гравюра Мицкевича работы Риффо заняла свое место в спальне поэта.

Точно, как было...

КОГДА в 1946 году восстанавливалась квартира Некрасова, научные сотрудники музея, снимая слой за слоем, в спальне обнаружили бархатистые, темно-красные обои, наклеенные на газету «Голос» 1867 года, то есть того времени, когда поэт уже жил в доме Краевского. Темно-гранатовые обои в спальне поэта упоминал и писатель Г. Н. Потанин, бывавший в доме Некрасова.

Из-за трудностей послевоенного времени при реставрации квартиры обои восстановить не удалось.

Такие обои выполнены теперь на Московской экспериментальной обойной фабрике. И дирекция, и художники фабрики отнеслись к заказу с большим интересом. Были сделаны специальные валы с нанесенным на них рисунком обоев, воссозданным по найденным образцам. Тем, кто выполнял этот заказ, пришлось не раз посетить Третьяковскую галерею, чтобы еще и еще раз взглянуть на упоминавшуюся уже картину Крамского: на ней отчетливо виден рисунок обоев.

Теперь стены квартиры оклеены обоями, какие были при Некрасове: темно-гранатовые в спальне, коричневые «под дуб» в столовой, белые — в кабинете.

«Милому и единственному моему другу Зине»

В СПАЛЬНЕ поэта висел портрет его жены Зинаиды Николаевны. Николай Алексеевич весьма дорожил этим портретом и даже порой брал его с собой на охоту. Зинаида Николаевна — героиня последних лирических стихотворений поэта. Это ей посвящена поэма «Дедушка», это ей на подаренной книге стихов поэт написал: «Милому и единственному моему другу Зине».

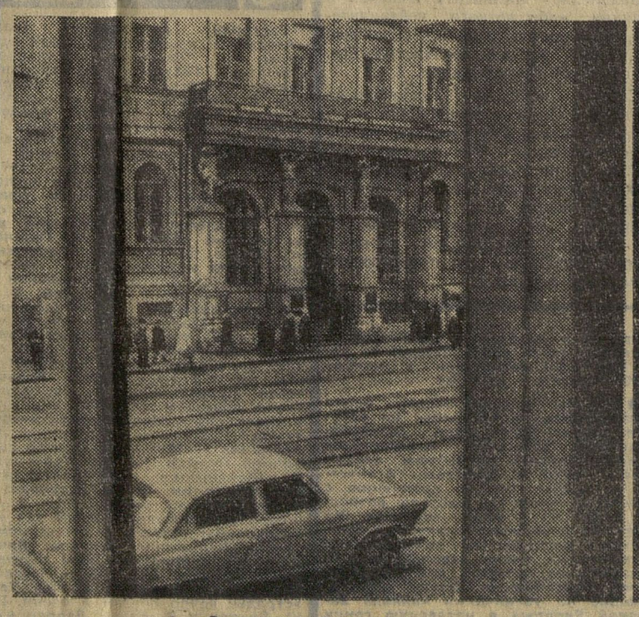
После смерти мужа Зинаида Николаевна переехала на другую квартиру, а потом и вовсе уехала из Петербурга и поселилась в Саратове. Увезла она с собою некоторые вещи, среди них и портрет, так любимый Некрасовым.

Как-то, разбирая почту, сотрудники музея задержали внимание на одном письме из Риги. Некая А. Бауэр писала: «В одном доме со мной живет женщина, много лет жившая в Саратове. Там она встречалась с вдовой Некрасова Зинаидой Николаевной, которая последние дни своей жизни провела в ее доме. У этой женщины сохранились вещи, принадлежавшие семье Некрасова, в частности, самому Некрасову...».

Само собой разумеется, одна из сотрудниц тут же собралась в Ригу. Женщина, с которой писала А. Бауэр, оказалась Анной Васильевной Озолинь—хозяйкой квартиры, в которой жила Зинаида Николаевна в Саратове. Вскоре после революции А. В. Озолинь переехала в Ригу и уже на склоне лет своих вспомнила о бесценных реликвиях, которые хранились в ее семье.

Так среди многих иных вещей вернулся на свое место и портрет Зинаиды Николаевны, портрет, который так любил Некрасов.

Е. ВИКЕНТЬЕВА



«Вот парадный подъезд...».

Уголок квартиры поэта. Фото О. Миронца

Любимый и близкий

ПОЭЗИЯ Некрасова сопутствует мне на протяжении всей жизни. Она необычайно душевно близка мне, живет во мне всегда.

Некрасов — один из самых близких мне поэтов, и я с трепетом и радостью готовлюсь к каждой встрече с ним. Я давно читаю стихи Некрасова и вижу, какой эмоциональный отклик находят они в сердцах народа, которому была посвящена лира поэта. То глубокое впечатление, которое оставляет Некрасов в умах каждого человека, любящего поэзию, не умирает никогда.

Л. КОЛЕСОВ, народный артист РСФСР

«РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ...»

Имя обязывает

НЕКРАСОВ мечтал о времени, когда «мужик... Белинского и Гоголя с базара понесет». В наше время с книжного базара несут и Белинского, и Гоголя, и, конечно, самого Некрасова. Наша библиотека носит имя великого русского поэта. Это имя обязывает ко многому. Мы должны рассказывать своим читателям о Некрасове, внушать им горячую любовь к русскому национальному поэту. Совместно с музеем Некрасова мы проводим Некрасовские чтения. И убеждаемся каждый раз, как велика любовь наших читателей к Некрасову. Книги его никогда не залеживаются на полках.

Е. ВОЛНЕНКОВА, заведующая библиотекой имени Н. А. Некрасова

Его жизнь — пример

С ПОЭЗИЕЙ Некрасова мы соприкасаемся всю свою сознательную жизнь.

Мы начинаем читать стихи поэта в самых младших классах. И мне не однажды приходилось наблюдать, какой необычайно притягательной силой обладают некрасовские «Крестьянские дети», как порой горько плачут наши школьники над судьбой крепостных ребятишек.

А в старших классах к школьникам приходит иной Некрасов. Он учит жить честно, и жизнь поэта, исполненная тягот, лишений и борьбы, служит для юношества прекрасным примером.

М. ШАДРИНА, учительница школы имени Н. А. Некрасова